

Сыромятников Олег Иванович

РУССКАЯ ИДЕЯ В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО "ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ"

Статья посвящена исследованию средств художественной выразительности русской идеи в романе Ф. М. Достоевского "Преступление и наказание". Основательные наблюдения над поэтикой романа позволили автору прийти к выводам, значительно расширяющим имеющееся на сегодня представление о романе. Показано, что основным средством выражения русской идеи является система образов, часть из которых имеет сложное символическое значение.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/5-2/57.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 5 (35): в 2-х ч. Ч. II. С. 204-207. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/5-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

операций и их унификации; в-четвертых, стремлением носителей языка к абстракции, обобщению; в-пятых, постоянным поиском новых языковых средств и возможностей [2, с. 122-123].

Целью данной статьи стало желание показать своеобразие немецкого и латинского языков в процессе их взаимодействия. Лексические единицы современного немецкого языка, образованные с помощью латинских словообразовательных элементов, можно отнести к интернационализмам. Они имеют нейтральную стилистическую окраску и функционируют не только в области научной терминологии, но и с успехом отражают различные понятия в публицистике и официально-деловой сфере, профессиональных языках, в том числе в языке экономики. Несмотря на то, что латынь в настоящее время не применяется в живом общении и, казалось бы, остановилась в своем развитии, она все же не является «мертвым» языком.

Список литературы

1. Зуев А. Н., Молчанова И. Д., Мурясов Р. З. и др. Словарь словообразовательных элементов немецкого языка / под рук. М. Д. Степановой. М.: Рус. яз., 1979. 536 с.
2. Мистюк Т. Л. Вопрос о причинах эволюции языка в современной лингвистике // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 4 (11). С. 120-124.
3. Сыромьясов О. В. Социально-исторические условия функционирования современной немецкой официальной лексики (на примере названий должностных лиц правоохранительных и судебных органов) // Интеграция образования. Саранск, 2010. Т. 58. № 2. С. 111-116.
4. *Commerz bringt Büros an Börse* // Süddeutsche Zeitung. 2005. 6. April.
5. *Deutsche Börse: Anleger halten sich zurück* // Süddeutsche Zeitung. 2005. 6. April.
6. *Ein Freund hoher Spritpreise* // Die Welt. 2005. 6. September.
7. *Entwicklung des Euro-Kurses: Volkswirte sehen den Euro weiter stark* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.faz.de> (дата обращения: 05.01.2007).
8. Pöhner R., Widmer Th. Die deutsche Sprache lebt // Markt: Materialien aus der Presse für berufsorientierten Unterricht DaF. 1998. Ausg. 13. S. 1-2.
9. *Recruiting bei McKinsey: «Wir stellen auch Backpacker ein»* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.spiegel.de> (дата обращения: 17.03.2014).
10. *Spekulation mit Gold erreicht neuen Höhepunkt* // Süddeutsche Zeitung. 2005. 6. April.
11. *Steuererhöhung: Gleicher Preis, weniger drin* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.welt.de> (дата обращения: 05.01.2007).

INFLUENCE OF THE LATIN LANGUAGE ON THE GERMAN ECONOMIC VOCABULARY

Syromyasov Oleg Vladimirovich, Ph. D. in Pedagogy
Saransk Cooperative Institute (Branch) of Russian University of Cooperation
syoleg2007@yandex.ru

The article by the materials of mass media considers the powerful word-formative possibilities of the Latin language for structural and semantic representation of German vocabulary. Such lexical units, in spite of the minimum use of the Latin in real-life communication, function in the sphere of scientific terminology, represent various conceptions in the professional languages.

Key words and phrases: lexical unit; economic vocabulary; the press; borrowing; word-formative elements; linguistic means; terms.

УДК 82.312.1

Филологические науки

Статья посвящена исследованию средств художественной выразительности русской идеи в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». Основательные наблюдения над поэтикой романа позволили автору прийти к выводам, значительно расширяющим имеющееся на сегодня представление о романе. Показано, что основным средством выражения русской идеи является система образов, часть из которых имеет сложное символическое значение.

Ключевые слова и фразы: русская идея; Ф. М. Достоевский; роман «Преступление и наказание»; система образов; идея литературного произведения.

Сыромятников Олег Иванович, к. филол. н.
Пермская духовная семинария
rani_perm@list.ru

РУССКАЯ ИДЕЯ В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»©

Под *русской идеей* понимается представление о месте и роли России в мире. Ф. М. Достоевский стал автором термина «русская идея», употребив его в письме А. Н. Майкову 18 января 1856 г.: «Я говорю о патриотизме,

об русской идее, об чувстве долга, чести национальной <...>. Россия, долг, честь? – да! я всегда был истинно русский – говорю Вам откровенно. <...> Вполне разделяю с Вами патриотическое чувство нравственного освобождения славян. Это роль России, благородной, великой России, святой нашей матери...» [2, т. 28, кн. 1, с. 208]. В дальнейшем *русской идее* в ее различных аспектах была посвящена большая часть публицистики и небытового эпистолярного писателя. Несомненно, что *русская идея* нашла свое воплощение и в его художественном творчестве. Целью настоящего исследования является выявление поэтических средств выражения *русской идеи* в романе «Преступление и наказание».

Методологическим ориентиром исследования являются слова самого Достоевского, сказанные в предисловии к русскому изданию романа В. Гюго «Собор Парижской Богоматери» (1862): «Кому не придет в голову, что Квазимодо есть олицетворение пригнетенного и презираемого средневекового народа французского, глухого и обезображенного, одаренного только страшной физической силой, но в котором просыпается наконец любовь и жажда справедливости, а вместе с ними и сознание своей правды и еще непочатых, бесконечных сил своих» [Там же, т. 20, с. 28-29]. Писатель говорит о закономерности использования в художественном творчестве образа, символизирующего народ или его некую значимую часть.

В своем последнем романе словами прокурора Ипполита Кирилловича писатель напоминает, что впервые в русской литературе к символическому выражению *русской идеи* обратился Н. В. Гоголь: «Великий писатель <...> в финале величайшего из произведений своих, олицетворяя всю Россию в виде скачущей к неведомой цели удалой русской тройки, восклицает: –Ах тройка, птица тройка, кто тебя выдумал!» – и в гордом восторге прибавляет, что пред скачущую сломя голову тройкой почтительно сторонятся все народы» [Там же, т. 15, с. 125]. От гоголевского символа Достоевский обращается к художественной реальности своего романа: «Что такое это семейство Карамазовых, заслужившее вдруг такую печальную известность по всей даже России? Может быть, я слишком преувеличиваю, но мне кажется, что в картине этой семейки как бы мелькают некоторые общие основные элементы нашего современного интеллигентного общества...» [Там же].

Заметим, что семейство Карамазовых символизирует не весь русский народ, а лишь его часть – «современное интеллигентное общество». В отличие от Гюго, Достоевский считал, что «простой» народ в спасении не нуждается, сохраняет постоянные прочные связи с источником живой жизни – православной верой: «Русский народ весь в православии и в идее его. Более в нем и у него ничего нет – да и не надо, потому что православие всё. Православие есть церковь, а церковь – увенчание здания и уже навеки» [Там же, т. 27, с. 64]. А вот русская национальная интеллигенция, отравленная идеями духовного и нравственного разврата, безбожия и нигилизма, тяжело больна, и действительно нуждается в спасении. Достоевский видит его в сознательном, свободном и смиренном соединении с народом через принятие духовной основы народной жизни – православной веры.

Полагаем, что эта идея нашла свое воплощение и в образности первого романа *великого пятикнижия* – «Преступление и наказание». Достоевский об основном замысле романа: бывший студент совершает убийство с целью грабежа, надеясь на добытые средства обеспечить жизнь близких и свою карьеру. Он оправдывает преступление с помощью «некоторых странных –недоконченных» идей, которые носятся в воздухе» и совершает его, чтобы «потом всю жизнь быть честным, твердым, неуклонным в исполнении –чуждого долга к человечеству», чем, уже конечно, –загладится преступление...» [Там же, т. 28, кн. 2, с. 136]. Но «неразрешимые вопросы встают перед убийцей, неподозреваемые и неожиданные чувства мучают его сердце. Божия правда, земной закон берет свое, и он – кончает тем, что *принужден* сам на себя донести» [Там же, с. 137], чтобы годами страданий в каторге искупить свой грех и воссоединить разорванную преступлением связь с человечеством. Таким образом, падение и последующее воскресение человека – «основная мысль всего искусства девятнадцатого столетия» [Там же, т. 20, с. 28] – является содержанием *внешней идеи* романа.

По наблюдению Г. М. Фридендера, «любые вопросы личного бытия неразрывно сплетаются» для героев Достоевского «воедино с всеобщими, универсальными по своему смыслу, –вечными» вопросами бытия России и человечества» [5, с. 9]. На уровне образной системы эта связь проявляется в придании образу *главного героя* символического значения, возводящего его персональное бытие до общественного. С. В. Белов пишет об этом: «Раскольников –раскалывает» породившую его мать – землю, –раскалывает» *родину* (имя Родион), а если брать отчество, то вполне возможно прямое толкование: раскол родины Романовых (отчество: Романович)» [1, с. 192].

По замыслу писателя Раскольников должен был стать «одним из членов нового поколения» [2, т. 7, с. 149], главной чертой которого является отсутствие идеала, способного объединить людей и определить цели их деятельности. Реформы 1860-х годов были необходимы, но их следствием стало разложение традиционного уклада общественной жизни, девальвация духовно-нравственных ценностей, утрата четких жизненных ориентиров. Молодежь оказалась предоставлена самой себе: позади – отвергаемое и презираемое прошлое, впереди – неясное будущее. Онтологическая неустойчивость молодого поколения подчеркивается писателем в письме к Каткову («Молодой человек, по шатости в понятиях...») и подбором для него «говорящей» фамилии – «Шатов» [Там же, с. 93].

Наиболее яркая черта личности главного героя – раздвоенность, расколотость сознания, слов и поступков: «Уже в следующую минуту это становился не тот человек, что был в предыдущую», «точно в нем два противоположные характера поочередно сменяются» [Там же, т. 6, с. 147, 165] и т.д. Причиной этого состояния является острое ощущение несовершенства окружающего мира и стремление исправить его. Поэтому, указывает В. Я. Кирпотин, он «мечтает не только о наполеоновской власти, но и о миссии Искупителя, спасителя, о предначертании Мессии» [4, с. 192].

Видя несовершенство мира и чувствуя свое мессианское предназначение («Зачем Ты мне дал силы?» [2, т. 7, с. 133]), герой ищет пути спасения людей от страдания, горя и гибели, но не находит их: «А что же ты

делаешь, чтобы этому не бывать? <...> Ведь тут надо теперь же что-нибудь сделать, понимаешь ты это?» [Там же, т. 6, с. 38]. Раскольников оказывается в ситуации, некогда преодоленной Христом, которого искушал сатана в пустыне: мысли твои праведны и чисты, ты хочешь добра людям, так стань для них властелином и делай им добро. Чтобы делать его, надо власть иметь, и не важно, что эту власть дам тебе я, ведь цели твои добры. Люди слабы и немощны, они не в силах сами найти свое счастье, и только ты – великий и могучий, взяв над ними власть, можешь сделать их счастливыми. Их счастье в малом – обрати камни в хлебы и накорми их. Выбор Христа определен любовью к людям и верой в безграничную мудрость и благодать Отца Небесного: «Не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих. <...> Отойди от Меня, сатана; ибо написано: –Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи» (Мф. 4; 4, 7, 10) [3]. Раскольников же надеется, прежде всего, на себя и свои силы, ему кажется, что он может победить всех и всё. Поэтому он прислушивается к нашептыванию сатаны: «Чтобы помогать, надо сначала право такое иметь...» [2, т. 6, с. 174]. И делает *свой* выбор, о котором позже Великий инквизитор скажет Христу: «Мы давно уже не с Тобою, а с ним (т.е. с дьяволом – прим. автора О. С.), уже восемь веков» [Там же, т. 14, с. 234].

В личности Раскольникова соединились любовь к людям и готовность к самопожертвованию с чудовищной гордостью («Я сам хотел добра людям... <...>. О, если б я <...> никого никогда не любил! *Не было бы всего этого!*») [Там же, т. 6, с. 400, 401]). Именно гордость должна была стать главной чертой героя, о чем свидетельствуют черновые записи к роману [Там же, т. 7, с. 89, 132, 138, 139, 147, 155]. Гордость – то есть упование исключительно на свои силы, желание обойтись без чьей-либо помощи, в том числе и помощи Божией, и стала настоящей причиной преступления Раскольникова. Об этом прямо говорит Соня: «От Бога вы отошли, и он вас дьяволу предал» [Там же, т. 6, с. 321]. Раскольников действительно отошел от Бога, не видя проявлений Его воли в окружающем мире, полном торжества лужиных и неискупленного страдания «вечных Сонечек». Поэтому он «решил осмелиться» стать Богом, чтобы довершить Его дело и восстановить в мире справедливость.

Однако чем дальше человек отходит от Бога, тем большую власть имеет над ним дьявол. Раскольников начинает догадываться, *кто именно* помогал ему осуществить задуманное: «Не рассудок, так бес!» [Там же, с. 60]. Но только совершив преступление, он до конца понимает происшедшее: «Это когда я в темноте-то лежал и мне всё представлялось, это ведь дьявол смущал меня? <...> ...Я ведь и сам знаю, что меня черт тащил» [Там же, с. 321]; «Черт-то меня тогда потащил, а уж после того мне объяснил, что не имел я права туда ходить...»; «Старушонку эту черт убил, а не я...» [Там же, с. 322] и т.д. Так любовь к людям, соединившись с гордыней, приносит в мир зло. Полагаем, что в образе *главного героя* выразилась одна из основных мыслей христианской антропологии Достоевского, – зло в человеке и в окружающем его мире возникает как результат сознательного нарушения человеком установленного Богом миропорядка. Само желание противопоставить Его воле свою собственную уже является преступлением и влечет за собой неминуемое наказание, прямо пропорциональное тяжести совершенного.

Однако писателю важно показать не только причины и процесс падения героя, но и путь его возрождения к жизни. Внутреннюю идею своего романа он определяет как «Православное воззрение» и ставит перед собой задачу – показать, «в чем есть православие» [Там же, т. 7, с. 75]. Достоевский противопоставляет духовно-нравственные ценности православия нигилизму, поглощающему общественное сознание России: «Но все эти гимназистики, студентики <...> так чисто, так беззаветно обратились в нигилизм во имя чести, правды и истинной пользы! Ведь они беззащитны против этих нелепостей и принимают их как совершенство» [Там же, т. 28, кн. 2, с. 154]. Причину заражения русской молодежи нигилизмом Достоевский видит в том, что «у наших же у русских, бедных, беззащитных мальчиков и девочек, есть еще свой, вечно пребывающий *основной* пункт, на котором еще долго будет зиждиться социализм, а именно, энтузиазм к добру и чистота их сердец» [Там же]. На примере развития сознания Раскольникова писатель показывает процесс «нигилизации» всего общественного сознания России. Поэтому судьба *главного героя* символизирует судьбу всей русской молодежи.

Основной сценой, раскрывающей в романе проблему исторического выбора России, следует считать *собрание* у постели Раскольникова [Там же, т. 6, с. 113-119]. Достоевский тщательно выстраивает мизансцену: на диване лежит Раскольников, а перед ним разворачивается спор Разумихина и Лужина, между которыми располагается неподвижная, инертная, «обломовская» масса – доктор Зосимов. Взгляды Разумихина в целом отражают славянофильскую точку зрения, видящую причину всех бед России в петровских реформах: «Мы чуть не двести лет как от всякого дела отучены...» [Там же, с. 115]. Он уверен, что лучшие люди должны объединиться для «общего дела» – служения обществу. Путь Разумихина – путь долгого последовательного преобразования общества малыми делами, неприемлем для масштаба личности Раскольникова. Но в еще большей степени ему противен путь, олицетворяемый Лужиным, – путь полного и безвозвратного отказа от духовной и культурной традиции русского народа ради благ европейской цивилизации [Там же]. В «идею» Лужина Достоевский включил всё то, что он относил к содержанию *западной идеи*: эгоизм, алчность, преобладание материального над духовным. Ни славянофильство Разумихина, ни западничество Лужина, ни «перинное начало» Зосимова неприемлемы для Раскольникова. Он открыто смеется над Зосимовым, однозначно отвергает Лужина и желает отделаться от навязчиво добродетельного Разумихина, который, хотя и искренно желает Раскольникову добра, но очевидно не знает, в чем оно.

Подобная трактовка этого образа отвечает предельно насыщенной социально-политической проблематике творчества Достоевского и отражает процессы, протекавшие в пореформенной России 60-х годов XIX века. Перестраивается весь механизм российской государственности: исчезает помещичье сословие «свидригайловых», на его смену приходят «лужины» и «разумихины». Заканчивается «петровский период» России, и Достоевский как никто остро сознает значение происходящего: «Русский народ <...> поневоле приучится к деловитости, к самонаблюдению, а в этом-то вся и штука. Ей-Богу, время теперь по перелому и реформам чуть ли не важнее

петровского» [Там же, т. 28, кн. 2, с. 206]. Именно сейчас, в 60-е годы, уверен Достоевский, решается судьба России, и потому он, следуя своему представлению о призвании художника, стремится предвидеть ее.

Он показывает, как Россия, заразившись идеями и идеями, вольно или невольно залетающими через окно, двести лет назад прорубленное Петром, искушается мечтой о скором социальном рае и предаст Христа за земное владение. Это так же неизбежно, как и преступление Раскольникова – в России «коммунизм наверно будет и восторжествует, но мигом провалится. Утешения, впрочем, в этом немного» [Там же, т. 24, с. 111]. Сама тяжело заболев нигилизмом и атеизмом, она распространит заразу вокруг себя: «Весь мир осужден в жертву какой-то страшной, неслышанной и невиданной моровой язве, идущей из глубины Азии на Европу» [Там же, т. 6, с. 419]. Скоро явятся «необыкновенные» люди, уверенные, что они знают путь ко всеобщему счастью и на этом пути они «разрешат своей совести перешагнуть через кровь» разного рода «процентчиков» и угнетаемых ими кротких и безответных «лизавет». Спасти Россию может лишь возвращение к Истине, хранимой православной верой. Преступив через то, что веками считалось добром, отрекшись от Бога и отеческих преданий, Россия всей своей исторической судьбой покажет миру невозможность иного пути, кроме указанного Христом.

Таким образом, основным средством выражения *русской идеи* в романе является система образов, выражающих различные идеи, одни из которых входят в содержание *русской идеи*, а другие – *западной*. *Образный уровень* выражения *русской* (и *западной*) *идеи* дополняется *теоретическим*, состоящим из прямого и косвенного включения в художественный текст фрагментов философских и общественно-политически учений.

Список литературы

1. Белов С. В. Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»: коммент., кн. для учителя / под ред. Д. С. Лихачева. Изд-е 2-е испр. и доп. М.: Просвещение, 1984. 240 с.
2. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30-ти т. Л.: Наука, 1972-1990.
3. Евангелие от Матфея.
4. Кирпотин В. Я. Разочарование и крушение Родиона Раскольникова. М.: Сов. Писатель, 1970. 447 с.
5. Фридлендер Г. М. Художественный мир Достоевского и современность // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1983. Т. 5. С. 3-26.

THE RUSSIAN IDEA IN THE NOVEL BY F. M. DOSTOYEVSKY "CRIME AND PUNISHMENT"

Syromyatnikov Oleg Ivanovich, Ph. D. in Philology
Perm Seminary
pani_perm@list.ru

The article is devoted to investigating the means of artistic expression of the Russian idea in the novel by F. M. Dostoyevsky – "Crime and Punishment". The profound analysis of the poetics of the novel allowed the author to draw the conclusions extending considerably the up-to-date conception of the novel. The paper shows that the basic method for representing the Russian idea is a system of images some of which have a complex symbolic meaning.

Key words and phrases: Russian idea; F. M. Dostoyevsky; novel – "Crime and Punishment"; system of images; idea of a piece of literature.

УДК 82.081

Филологические науки

В статье анализируется рецепция библейского текста в художественно-публицистическом дискурсе В. Г. Короленко, исследуется мотивно-образный потенциал «Павловских очерков» в контексте нравственно-философских исканий писателя, выявляется степень аутентичности библейского текста в сознании русского человека, толкующего Священное Писание нередко в противовес канону, что демонстрирует писатель в произведении.

Ключевые слова и фразы: библейский текст в русской литературе; очерк; мотив; образ; религиозно-философский контекст.

Урюпин Игорь Сергеевич, д. филол. н.
Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина
isuryupin78@mail.ru

МОТИВЫ СВЯЩЕННОГО ПИСАНИЯ В «ПАВЛОВСКИХ ОЧЕРКАХ» В. Г. КОРОЛЕНКО®

«Павловские очерки» (1889-1890) В. Г. Короленко, посвященные весьма злободневному в конце XIX века вопросу проникновения капиталистических отношений в жизнь и быт русской деревни, не без подачи самого автора трактовались исключительно в социологическом ключе (что дало повод В. И. Ленину